

Марианна ДУДАРЕВА

НА ПОРОГЕ БЫТИЯ

Елена Трубецкова. «Новое зрение»: болезнь как прием остранения в русской литературе XX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 304 с.: ил. – (Серия «Очерки визуальности»)

*О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..*

Ф.И. Тютчев

Обычно о болезни не говорят вслух, это вещь интимная, с которой справляется сам человек в кругу родных и близких. Однако в искусстве, литературе наблюдается особый интерес к морбуальной проблематике. Через Логос, эстетическое переживание человечество стремится прожить и понять пограничные состояние, связанные с болезнью и смертью, отодвинуть, как бы отторгнуть неизбежный конец. С одной стороны, эти темы табуированы и апофатичны, с другой стороны, этим они привлекают и художников слова, и исследователей литературы. Однако здесь не все так просто и прозрачно, и современное исследование Елены Трубецковой этому свидетельство.

Литературоведы, особенно занимающиеся эстетикой и поэтикой модернизма, к сожалению, все чаще акцентируют внимание при анализе творчества, например, С. Есенина, А. Белого, В. Маяковского, Л. Андреева на психофизических отклонениях, нарушениях в жизни писателей, что накладывает определенный негативный отпечаток и на понимание их художественного мира в целом. Уж сколько споров было о «Черном человеке»! Но, наконец, в науке о литературе появилась книга, объемное исследование, в котором вопросы, связанные с морбуальной и косвенно мортальной проблематикой, освещаются совершенно с других позиций. Каких же? Как еще можно относиться к болезни или смерти? Русская литература и философия дают на этот *проклятый вопрос* свой ответ, и этот ответ *расслышала* Елена Трубецкова.

Человек, находящийся в состоянии болезни, по фольклорным народным представлениям, уязвим перед *оним* миром. Он, если хотите, открыт *иномиру*. Оптика болеющего человека меняется, как бы смещается от бытовой в сторону метафизической. И автор исследования справедливо подмечает, что «болезнь преобразует привычный мир, высвечивает его в новом ракурсе. И этим она близка феномену творчества». Значит, болезнь погружает человека в *лиминальное* состояние, и оно сродни ритуальному хаосу. А хаос, как водится, амбивалентен и сопряжен с космосом. Значит, в болезни есть высшая точка, точка безумия, обнажающая и вызволяющая совесть человека, о которой поэтически точно, даже формульно, сказал еще Осип Мандельштам. Кстати, автор монографии приводит его строчки:

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя...

А от этой строчки тянутся литературные ниточки вглубь, к полифоническому миру Ф.М. Достоевского, давшего во всем многообразии страдающих болеющих героев. Но вот что интересно – именно такие герои, по справедливым замечаниям достоевцев,

сопричастны иномирному пространству и обладают знаниями особого *космического* порядка (например, князь Мышкин).

Через болезнь, через физическую неполноту человек может познать нечто, что не будет дано обычному здоровому. Болезнь в этом случае как *метафизический выкуп* и *откуп* за что-то *неведомое*. Конечно, литература модернизма, к которой обращается Елена Трубецкова, взяла себе это на вооружение. Искусство начала XX века обогатилось визуальными экспериментами, через «очки болезни» (выражение исследователя) можно было иначе посмотреть на мир, почувствовать порог бытия: «Взгляд через “очки болезни” одновременно трансформирует и восприятие жизни, и осмысление смерти. Эта двойная оптика оказывается яркой метафорой в искусстве рубежа веков. Болезнь, вырывающая человека из обыденной жизни, неизбежно создает “остранение” от привычного хода вещей, и в XX веке наряду с экзистенциальными проблемами писателей интересуют визуальные эксперименты, богатые возможности для которых создает обращение к морбуальной проблематике».

В книге новая «оптика болезни» героев художественных текстов анализируется в контексте смены философских, научных и визуальных кодов эпохи, рассматривается как одна из возможностей декларируемого модернизмом «нового зрения». Подобный подход позволяет увидеть и осмыслить «медицинские сюжеты» русской литературы в ином ракурсе. Исследование Е. Трубецковой вышло в знаменитой серии «Очерки визуальности» Нового литературного обозрения. И это связано не только с многочисленными аллюзиями на произведения изобразительного искусства, представленными в монографии, но и с тем, что именно визуальный опыт оказывается особенно значимым и влияющим на отношение с миром как авторов, так и персонажей произведений.

И в этом отношении важны и семантически значимы разного рода образы, связанные непосредственно с глазами, очками и т.д. Автор исследует мотивы близорукости, демонстрирует широкий спектр визуальных экспериментов, порождаемых «искаженной оптикой» восприятия героев произведений В. Набокова, С. Кржижановского, А. Ремизова. Особенно интересна приводимая в книге цитата из письма М. Цветаевой, где она размышляет о художественной лаборатории Б. Пастернака и понимает ее глубину через образ большого глаза, ока, «пастернаковского магического кристалла». Но не приходит ли здесь на ум пушкинский магический кристалл из «Евгения Онегина»? Именно об этом *темном месте* до сих пор спорят литературоведы, понимая то буквально эту строчку (гадальный шар), то аллегорически, возводя ее к высоким философским идеям. Но ведь А.С. Пушкин хорошо был знаком с лекциями братьев Шлегелей, из которых узнал об особенностях античного зрения, аурном и аретном видении мира, то есть видении действительности в ближней и дальней перспективе. Можно сказать, что это своего рода имагинация, которой был наделен в своем творчестве Гете. Об имагинативном, образном зрении и видении действительности писал в начале XX века Р. Штайнер, с антропософским учением которого были знакомы многие представители Серебряного века. Итак, Пушкин преломил художественную действительность через *границы кристалла*, чтобы вдумчивый читатель смог разглядеть и «даль» и «близь» свободного романа.

Но бывают и другие случаи. Например, слепота. О ней также пишет в отдельной главе монографии исследователь. Слепота носит двойственный характер, она может быть духовной, может быть и физической. В народной антропологии слепота связана с физической неполнотой, как и хромота, однорукость, кривость и т.д. (С.Ю. Неклюдов) и *оборотностью* мира. Интересно, что этот аспект по-новому был преломлен в советской литературе 1920–1930-х годов, где физическая неполноценность ассоциировалась с моральными изъянами и должна была быть устранена из «духовно здорового» нового общества. Осмысление болезни как политической и социальной метафоры прослежено

автором на примере анализа таких разных писателей, как М. Горький и П. Сорокин, Н. Островский, Б. Лавренёв и А. Платонов, М. Алданов, А. Солженицын.

Отдельное внимание Елена Трубецкова уделяет рассмотрению отношений врач-пациент, показывая, как литературная рефлексия В. Вересаева, М. Булгакова, А. Солженицына во многом предвосхитила этические нормы современной медицины. А существование лагерей и карательной психиатрии во многом изменили представление о профессиональном долге врача, о чем заставляют задуматься приведенные автором книги примеры из произведений В. Шаламова, В. Тарсиса, В. Маканина.

Конечно, в литературе «некалендарного двадцатого века» болезненные пограничные состояния изображены особенно выпукло, но, стоит отметить, что вся русская литература пронесла неподдельный интерес к морбуальной проблематике, подходя тем самым к танатологическим вопросам. Первая авторская вещь, знаменующая поворот к собственно литературной традиции, «Повесть о Петре и Февронии Муромских» XVI века также дает представление о *пороге* человека, о его инициационном пути, который начинается в болезни и через болезнь. Если б князь не убил змея, то не заболел бы. Если б он не заболел, то не встретился бы с Февронией. Если б не встретился с прекрасной девой, то не стал бы тем, кем стал. Одно рождает другое, и болезнь в этом случае является не наказанием, а *точкой перехода*, и таким образом герой пребывает на *пороге бытия*. Вот о таких пограничных состояниях, метафизическом значении болезни в литературе в поэтике ключевых представителей XX века книга Елены Трубецковой, читая которую, стоишь на пороге *двойного бытия*.